

А.П. Заостровцев

к.э.н., профессор, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)

В ПОИСКАХ «ОКОВ ДЛЯ ЛЕВИАФАНА» (о книге Дарона Аджемоглу и Джеймса Робинсона «Узкий коридор»)

Аннотация. В статье рассматривается концепция взаимодействия государства и общества, представленная в книге Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона «Узкий коридор». Фактически эта книга завершает трилогию, начатую публикацией в 2006 г. работы об экономических истоках диктатуры и демократии. Демократическое общество («Обузданный Левиафан») появляется как результат нахождения баланса сил между государством и обществом. Однако это «узкий коридор». Попасты в него непросто, а еще труднее удержаться в нём. Примеров в мире наберется не так уж много. Чаще путь ведет по скользкому склону к Деспотическому Левиафану. В целом книга оценивается как значительный вклад в институциональную историю. Тем не менее, при всех ее достоинствах, в ней присутствует недооценка идеологии как двигателя перемен и, главное, ориентация на избыточную роль государства, его идеализация в виде Обузданного Левиафана. На эти обстоятельства указывает критика Д. Макклоски. В итоге делается верный вывод о том, что в мире нет движения к единообразию, есть отдельные пути государств.

Ключевые слова: Общество и государство, Обузданный Левиафан, Деспотический Левиафан, Отсутствующий Левиафан, Бумажный Левиафан, узкий коридор, скользкий склон, клетка норм.

JEL: N00, O30, O43, P14.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_1_186_193.

Российский читатель знакомится уже с третьей по счету фундаментальной работой известных экономистов — Дарона Аджемоглу и Джеймса Робинсона (далее — АиР). Первая их книга вышла на английском языке в 2006 г. [Acemoglu, Robinson, 2006] и её русский перевод [Асемоглу, Робинсон, 2015a] не привлёк широкого внимания, несмотря на то что она затрагивала очень актуальную для России тему. Зато вторая их книга [Acemoglu, Robinson, 2012] широко обсуждалась. Она была издана на русском языке в том же году, что и первая [Аджемоглу, Робинсон, 2015b]¹.

Позволим себе предположить, что её известность во многом стала обусловлена тем, что до неё вышли две книги других видных исследователей в области институциональной истории, которые, подобно ей, искали, в частности, ответ на поставленный авторами вопрос. Первой в этом ряду была книга американского экономиста индийского происхождения Дипака Лала [Lal, 1998; Лал, 2007], а второй — книга трёх авторов, Дугласа Норта, Джона Уоллиса и Барри Вайнгаста [North, Wallis, Weingast, 2009; Норт, Уоллис, Вайнгаст,

¹ В русском переводе первой книге дана неверная транслитерация фамилии первого из авторов с учетом того, что он — турецкого происхождения. В турецком языке латинская буква «с» произносится как «дж».

2011]. Можно даже утверждать, что АиР просто несколько иначе обозначили социальные порядки: там, где у Норта, Уоллиса и Вайнгаста присутствует порядок ограниченного доступа, АиР говорят об экстрактивных институтах, а там, где у первых речь идет о порядке открытого доступа, вторые обозначают его через понятие инклюзивные институты. Общее у всех этих книг — попытка дать интерпретацию истории человечества на основе институциональной теории. Хотя открыто такая претензия присутствует только у трёх вышеназванных авторов, чья книга имеет амбициозный подзаголовок «Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества».

В последней книге своей трилогии [Acemoglu, Robinson, 2019; Аджемоглу, Робинсон, 2021] АиР фактически вернулись к главной проблематике первой, но с учетом всего того, что было ими наработано во второй. Для начала необходимо кратко изложить суть авторской концепции. Ее сложно описать без обращения к данному её создателями графическому представлению (рис. 1).

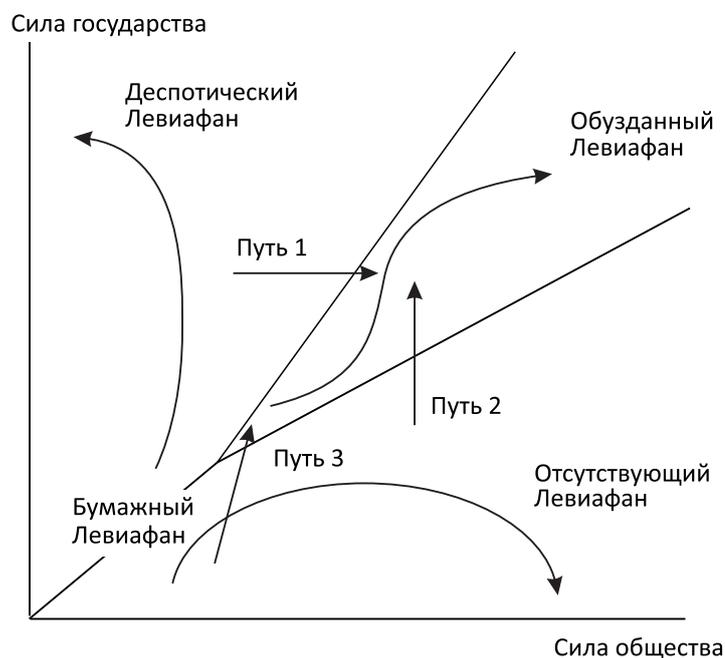

Рис. 1. Четыре Левиафана и три пути в «узкий коридор»

Источник: разработано автором на основе: Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Узкий коридор. М.: АСТ, 2021.

Теоретические построения АиР отталкиваются от дихотомии государства и общества. Если сила государства явно превалирует над силой общества, то имеет место Деспотический Левиафан. Слабые Левиафаны оказываются Бумажными². Если безгосударственное общество с его традициями играет доминирующую роль, то тут можно вести речь об Отсутствующем Левиафане. И, наконец, есть сравнительно узкий коридор свободы, в котором наблюдается баланс сил между государством и обществом. В нём заключен Обузданный Левиафан. Причем этот баланс динамичен, чтобы его поддерживать, и государство, и общество должны предпринимать ответные шаги на попытки сместить равновесие в свою пользу.

Этот баланс, достигаемый в соревновании противоборствующих сторон, был обозначен как «эффект Красной Королевы» (персонажа из сказки Льюиса Кэрролла «Алиса

² «Бумажные Левиафаны имеют облик государства и способны применять власть в некоторых ограниченных областях и в некоторых крупных городах. Но эта власть пуста; она непоследовательна и дезорганизована во многих сферах и почти полностью отсутствует в отдаленных районах страны, которой эти государства должны управлять» [Аджемоглу, Робинсон, 2021. С. 473–474].

в стране чудес»). «Под эффектом Красной королевы подразумевается ситуация, когда приходится рваться вперед изо всех сил лишь для того, чтобы сохранить статус-кво, — именно так государство и общество бегут наперегонки, чтобы сохранить равновесие» [Аджемоглу, Робинсон, 2021. С. 70].

Классическим случаем Деспотического Левиафана является Китай, Левиафана Обузданного — США и Великобритания, а Отсутствующего Левиафана — народность Тив из Нигерии, где сильные традиции противостоят формированию государственности. Впрочем, авторы не ограничиваются столь экзотическим кейсом, а видят Отсутствующего Левиафана и в истории Черногории, и в современном Ливане. К категории Бумажного Левиафана отнесены Аргентина и Колумбия.

Как же войти в коридор свободы? В работе выделяются три ведущих туда пути (см. рис. 1). Путь 1: от Деспотического Левиафана. Тут необходимо укреплять и мобилизовывать общество. Как характерный пример рассматривается ЮАР после апартеида. Или же Япония после II-ой мировой войны. Путь 2 ведет в коридор из Отсутствующего Левиафана. Тогда требуется одностороннее усиление государства. И, наконец, идущие от Бумажного Левиафана должны одновременно усиливать и общество, и государство. Этот путь обозначен на рисунке как путь 3. В качестве успешного примера государственного строительства по пути 2 выбрана Нигерия (точнее ее столица, Лагос), по пути 3 — Колумбия.

Последний штрих в представленную нам АиР теорию вносит так называемый эффект скользкого склона: идя от Отсутствующего Левиафана очень нелегко удержаться в узком коридоре свободы, не скатившись в объятия Левиафана Деспотического. Сила притяжения последнего такова, что это движение превращается в скольжение по склону. И тут масса примеров. Невозможно даже просто их перечислить.

Что можно сказать о кратко изложенной здесь теории государства, обществ и судеб свободы? Нельзя не заметить тот существенный сдвиг, который произошел в мировоззрении авторов после первой из книг. Как-никак, целых 13 лет прошло, ознаменовавшихся серьезными глобальными изменениями.

Во-первых, с точки зрения методологии анализа текст стал ближе к традиционному (старому) институционализму, хотя разрыв с неоклассическим всё же не наблюдается³. Тем не менее, уже не выпячивается экономический подход, как это было в первой книге⁴. Он теперь не провозглашается «фундаментальным основанием». Несмотря на обращение (вполне оправданное, надо сказать) к такому понятию, как «воля к власти» отдельных индивидов (лидеров), картина исторического процесса в целом складывается, скорее, как результат «коллективного бессознательного», как некий результирующий вектор разнонаправленных действий коллективных акторов.

Во-вторых, в первой книге сторонами конфликта были элита и граждане. Первая была устремлена к недемократическому правлению или, в лучшем случае, ограниченной демократии, вторые — к демократии без ограничений, прежде всего, к всеобщему избирательному праву. Сейчас сторонами конфликта оказываются, как видно из изложенного выше, государство и общество. Первое — естественный носитель деспотического начала, второе — безгосударственного, построенного на прямом взаимодействии, непосредственной кооперации членов социума. Государство, выступая в роли «прогрессора», должно

³ Дейдра Макклоски в своей рецензии на книгу в принципе этого сдвига не видит, критикуя авторов как представителей неоинституционализма, который объясняет, согласно её мнению, человеческое поведение материальными стимулами [McCloskey, 2021].

⁴ Напомним, что в ней экономический подход был провозглашен первым фундаментальным основанием концептуальной структуры. «Наш подход является “экономическим”, в том смысле, что мы подчеркиваем значимость индивидуальных экономических стимулов, как детерминант политических установок и исходим из допущения, что люди ведут себя стратегически в известном смысле по теории игр» [Аджемоглу, Робинсон, 2015а. С. 12].

разрушить препятствующие развитию косные традиционные институты, так называемую «клетку норм» (типа кастового общества в Индии), в свою очередь, самоорганизация общества должна служить делу постоянного контроля за государством, не дающему ему превратиться в Деспотического Левиафана.

В-третьих, если присутствующая во второй книге теория экстрактивных и инклюзивных институтов является, как уже отмечалось, по сути, калькой с социальных порядков ограниченного и открытого доступа по Нурту, Уоллису и Вайнгасту, то теперь читатель встречается с достаточно оригинальным видением, воплощённым в представленной выше схеме⁵. С ней можно не соглашаться, отмечать её недостатки, но нельзя не признать её новаторского характера.

В книге стоит выделить следующие важные моменты. Прежде всего, это попытка ответить на вопрос: почему Европа? Почему в ней родилось то, что позже назвали промышленной революцией и современным экономическим ростом? В чем её уникальность? Очевидно, связана она с тем, что Европа вошла в этот самый «узкий коридор» и осталась в нём. Однако надо объяснить теперь, как это ей удалось? И тут авторы утверждают, что обусловлено это уникальным исходным историческим обстоятельством, которое было ими названо «двумя лезвиями европейских ножниц». С одной стороны, это государственные институты Римской империи, с другой — это коллективные нормы и институты германских племен [Там же. С. 283]. Разумеется, в дальнейшем было и многое другое, что позволило ей не выпасть из коридора. Тем не менее, этот первоначальный институциональный дуализм, необходимый для попадания в него, никак нельзя сбрасывать со счетов.

Что дает это российскому читателю? Обратим внимание на то, что есть авторы, которые стремятся доказать, что Россия и Европа мало чем отличались. Особенно усердствуют здесь те, кто придерживается теории модернизации. Например, известный теоретик модернизации петербургский историк Д. Травин проделал очень большую работу, чтобы показать на массе фактов нарушения прав собственности в Западной Европе в Средние века и в начале Нового времени. На этом фоне сопоставление её с Россией (Московией) не выявляет принципиальных институциональных различий и позволяет подвести читателя к мысли, что отставание России от Европы не заложено в исходных фундаментальных институтах. Россия — «нормальная европейская страна» [Травин, 2021. С. 6].

Неоправданность подгонки России под Европу становится очевидной, когда обращаешься к исследованию последней АиР. «Если мы посмотрим на континент в Средневековье и в начале современного периода, то увидим не только “хартии” и парламенты, но и оживленную деятельность местных общин, активно занимающихся своими собственными делами и постоянно пытающихся повлиять на более централизованные государственные институты и оформить их» [Аджемоглу, Робинсон, 2021. С. 262–263]. Ничто из этого и близко не наблюдалось в России. Впрочем, для того, чтобы увидеть специфику Европы в качестве колыбели свободы, не нужно читать АиР; достаточно обратиться к русскому философу (по образованию, кстати, историку-медиевисту, специалисту по Западной Европе) Георгию Федотову. «Свобода для Европы не есть новейшее завоевание, но лишь пышное прорастание от древних корней» [Федотов, 1991. С. 272].

Рассмотрение истории Китая еще далее сдвинуло предпочтения АиР в пользу концепции зависимости от предшествующего пути (path dependence). «Последующие китай-

⁵ А. Шаститко в рецензии на книгу все-таки проводит параллель между Обузданным (в авторском тексте — скованным) Левиафаном и порядком открытого доступа, а Деспотический Левиафан — это, согласно точке зрения рецензента, по сути, порядок ограниченного доступа [Шаститко, 2020. С. 151–153]. Конечно, такое сопоставление проводить можно. Вместе с тем представляется, что гораздо более прямой и близкой аналогией порядка открытого доступа является система инклюзивных институтов, а порядка ограниченного доступа — система экстрактивных институтов. Об этом уже было сказано выше. Так что вторая книга АиР куда ближе к теоретическим построениям Нурта, Уоллиса и Вайнгаста, чем третья.

ские системы управления и законов, *вплоть до настоящих* (курсив мой — А.З.), можно осмыслить как колебания между этими двумя философиями (Шан Яна и Конфуция — А.З.) и слияния их постулатов...» [Аджемоглу, Робинсон, 2021. С. 293]. Подчеркивается принципиальная схожесть этих учений в части обоснования необходимости деспотического правления. Китай прочно застрял в деспотической колее. «Начиная с эпохи Цинь характерной чертой китайского государства было его непрерываемое доминирование над обществом. И в этом отношении государство не изменилось» [Там же. С. 322].

Здесь авторы, по сути, обращают внимание на роль культуры в формировании зависимости от предшествующего пути (эффекта колеи). Надо сказать, что еще во второй книге они ее во многом недооценивали. «Теория о решающем влиянии культуры не помогает нам понять положение вещей в современном мире» [Аджемоглу, Робинсон, 2015b. С. 90]. Объяснялось это тем, что «культурные установки, которые обычно меняются очень медленно, вряд ли могут объяснить недавнее экономическое чудо в Восточной Азии и Китае» [Там же. С. 91]. Весь вопрос тут в том, что нужно определить: а) понятие культура; б) на что она должна влиять.

Если принять её понимание как «ценности и поведенческие установки, разделяемые определенным сообществом и медленно меняющиеся во времени» [Аузан, Бахтигараева, Брызгалин, Золотов, Никишина, Припузова, Ставинская, 2020. С. 85], то ясно, что переход от стагнации к быстрому экономическому росту в Китае она не определяла. Однако тот факт, что этот рост является тем, который АиР сами назвали деспотическим экономическим ростом («рост под эгидой государства и в зависимости от прихоти государства»), — в решающей мере. Отсюда проистекает хрупкость деспотического экономического роста, поскольку «всегда есть вероятность, что необузданной властью воспользуются для личной выгоды и уничтожения потенциала экономического роста» [Аджемоглу, Робинсон, 2021. С. 325]. Таким образом, смесь легизма (учения Шан Яна) с конфуцианством определяет институциональную среду экономического роста, а в долгосрочном периоде — и сам рост (характер развития)⁶.

В своей рецензии на последнюю книгу АиР Шаститко критикует оперирование понятием «деспотический рост» применительно к Китаю. Он полагает, что АиР не замечают проявления свободы [Шаститко, 2020. С. 154]. Не вступая в обсуждение особенностей китайского общества заметим, что, конечно, современная экономическая свобода есть нечто большее, чем полное её легальное отсутствие в эпоху маоизма. Однако Китай — это стопроцентная власть-собственность, выход за рамки которой чреват большими неприятностями для бизнеса. История с Джеком Ма и другими пострадавшими от недавнего усиления государственного интервенционизма фирмами и видами деятельности подтверждает правомерность определений АиР. А заодно и их сомнений в устойчивости китайского экономического роста в длительной перспективе.

С чем невозможно согласиться в концепции АиР? В принципе, с двумя ключевыми пунктами, которые выделяет Макклоски. Во-первых, это недооценка роли идеологии, несмотря на то, что она фактически привлечена к объяснению зависимости от предшествующего пути Китая (см. выше). «Неоинституциональные экономисты их типа не могут в действительности принять идею о том, что этические идеи могут иметь значение независимо (иногда) от стимулов» [McCloskey, 2021]. По всей видимости, недооценка идей связана с недооценкой роли культуры, поскольку таковые есть её составляющая. В сущности, речь идет

⁶ Свои взгляды на взаимодействие культуры и институтов Аджемоглу и Робинсон раскрывают в новой публикации. В ней они делят культуру на твердую (hardwired) и текучую (fluid) [Acemoglu, Robinson, 2020]. Однако анализ этой статьи находится за пределами задач, стоящих перед данным рецензированием.

о неформальных институтах⁷. Для АиР нехарактерно деление институтов на формальные и неформальные, что создает трудности в восприятии их институционального анализа.

Во-вторых, «этатизм», или, по-русски, государственничество. Обузданный Левиафан в описании АиР — это Левиафан постоянно растущий, причем этот факт авторы оправдывают ростом «сложности» (complexity) современного общества. Макклоски категорически не приемлет такое оправдание. «В современных масштабах он (Обузданный Левиафан — А.З.) становится инструментом государственной пропаганды и государственного принуждения, заменяющий гражданскую активность; распространения институтов, вмешивающихся во взаимовыгодные частные соглашения; а также дополнения современной клетки норм...» [McCloskey, 2021]. Причем выстраиваемая вроде как обузданным государством клетка норм столь же жестка, как и традиционные нормы.

С «государственничеством» АиР связана и их критика Ф. фон Хайека. По их мнению, он допустил двойную ошибку. Прежде всего он не осознавал силу «эффекта Красной королевы»: не считал возможным обуздать Левиафана и держать его внутри коридора. Затем он не видел того, что государству необходимо играть определенную роль в распределении благ, в создании сети социального обеспечения и регулировании экономики [Аджемоглу, Робинсон, 2021. С. 630].

Попытаемся «вступить» за Хайека. Что касается задачи обуздания Левиафана, то сегодня государственный интервенционизм усиливается. Просто он обретает новые формы, которые были неизвестны Хайеку. Взять хотя бы монетарную политику (нулевые, если не отрицательные, ставки центробанков; количественное смягчение), не говоря уже о фактическом разрушении приватности (следовательно, прав собственности) в банковском деле под предлогом борьбы с отмыванием денег, финансированием терроризма и т.п. И это только в одной сфере. Общая же картина все убедительнее свидетельствует о том, что цифровая эпоха превращает Обузданного Левиафана в Разнузданного Левиафана.

Относительно построения государства благосостояния и связанных с этим опасений Хайека: традиционно соотносимая с ним проблема бюджетных дефицитов и госдолга стала меньше обсуждаться, но не стала менее острой. Наоборот. Цифры приводить не будем, они легко доступны и постоянно мелькают не только в специальных изданиях. В то же время, появилось и нечто новое, Хайеком непредвиденное. Возможность получать от государства даром блага определила направление все нарастающих международных миграционных потоков. Последние размывают укоренившиеся в развитых странах неформальные институты, которые и обеспечили их развитость. Происходит утрата коренной культуры, идентичности. Выражение «Запад загнивает» уже не вызывает такой саркастической реакции осведомленных жителей России, как ранее.

В то же время АиР сделали совершенно правильный вывод о путях, по которым движется современный мир. «Нет никакой естественной склонности всех стран двигаться в одном направлении, к единой модели государственных институтов и отношений между государством и обществом» [Там же. С. 626]. Иначе говоря, теория модернизации, которая подобно коммунистическому учению провозглашала слияние всех стран в единой социальной общности, не работает. Независимо от того, что идеалом для нее было нечто противоположное коммунизму, а именно демократия плюс рынок.

⁷ Мы здесь отождествляем понятие «культура» с понятием «неформальные институты».

ЛИТЕРАТУРА

- Асемоглу Д., Робинсон Дж. (2015а). Экономические истоки диктатуры и демократии. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2015b). Почему одни страны богатые, а другие бедные: Происхождение власти, процветания и нищеты. — М.: Издательство АСТ.
- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2021). Узкий коридор. — М.: Издательство АСТ.
- Аузан А.А., Бахтигараева А.И., Брызгалов В.А., Золотов А.В., Никишина Е.Н., Припузова Н.А., Ставинская Н.Н. (2020). Социокультурные факторы в экономике: пройденные рубежи и актуальная повестка // Вопросы экономики. № 7. С. 75–91.
- Лал Д. (2007). Непреднамеренные последствия. Влияние обеспеченности факторами производства, культуры и политики на долгосрочные экономические результаты. — М.: ИРИСЭН.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. — М.: Изд. Института Гайдара.
- Травин Д.Я. (2021). Почему Россия отстала? — СПб.: Издательство Европейского университета.
- Федотов Г.П. (1991). Судьба и грехи России. — С.-Пб.: София.
- Шаститко А.Е. (2020). Между Сциллой деспотизма и Харибдой социальных норм. (О книге Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона «Узкий коридор: государства, общества и судьба свободы») // Вопросы экономики. 2020. № 1. С. 145–156.
- Acemoglu D., Robinson J. (2021). Culture, Institutions and Social Equilibria: A Framework: Working Paper No. 28832. May / NBER.
- McCloskey D.N. (2021). The Statist Neo-Institutionalism of Acemoglu and Robinson. https://www.deirdremccloskey.com/docs/pdf/McCloskey_AcemogluRobinson2021.pdf (дата обращения: 14.12.2021).

Заостровцев Андрей Павлович

zao-and@yandex.ru

Andrey Zaostrovsev

PhD (economics), professor, National Research University — Higher School of Economics

zao-and@yandex.ru

IN SEARCH OF «SHACKLES FOR LEVIATHAN» (ABOUT THE BOOK BY DARON ACEMOGLU AND JAMES ROBINSON «NARROW CORRIDOR»)

Abstract. The article examines the concept of interaction between the state and society, presented in the book by D. Acemoglu and J. Robinson “Narrow corridor”. In fact, this book completes a trilogy begun by the publication in 2006 of work on the economic origins of dictatorship and democracy. Democratic society (“Shackled Leviathan”) appears as a result of finding a balance of power between the state and society. However, this is the same “narrow corridor”. It is not easy to get into it, and it is even more difficult to stay in it. There are not so many examples in the world. More often the path leads down a slippery slope to the Despotic Leviathan. Overall, the book is rated as a significant contribution to institutional history. Nevertheless, for all its merits, it contains an underestimation of ideology as an engine of change and, most importantly, an orientation towards the excessive role of the state, its idealization in the form of the Shackled Leviathan. These circumstances are pointed out by the critical analysis of D. McCloskey. Finally, the correct conclusion is made that there is no movement towards uniformity in the world, there are separate ways of states..

Keywords: *Society and State, Shackled Leviathan, Despotic Leviathan, Absent Leviathan, Paper Leviathan, narrow corridor, slippery slope, cage of norms.*

JEL: N00, O30, O43, P14.

REFERENCES

- Acemoglu D., Robinson J. (2021). Culture, Institutions and Social Equilibria: A Framework: Working Paper No. 28832. May / NBER.
- Acemoglu D., Robinson J. (2006). *Economic Origin of Dictatorship and Democracy*. — Cambridge and New York: Cambridge University Press.
- Acemoglu D., Robinson J. (2019). *The Narrow Corridor: States, Societies, and the Fate of Liberty*. — New York: Penguin Press.
- Acemoglu D., Robinson J. (2012). *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. — New York: Crown Publishers.

- Auzan A.A., Bakhtigaraeva A.I., Bryzgalin V.A., Zolotov A.V., Nikishina E.N., Pripuzova N.A., Stavinskaya N.N. (2020). Sotsiokulturnye Faktory v Ekonomike: Proidennyye Rubezhi i Aktualnaya Povestka (Sociocultural Factors in the Economy: Milestones Traversed and Current Agenda) // *Voprosy Ekonomiki*. No. 7. Pp. 75–91. (In Russ.).
- Fedotov G.P. (1991). *The Fate and Sins of Russia*. — S.-Pb.: Sofiya (in Russ.).
- Lal D. (1998). *Unintended Consequences: The Impact of Factor Endowments, Culture, and Politics on Long Run Economic Performance*. — Cambridge, MA: MIT Press.
- McCloskey D.N. (2021). *The Statist Neo-Institutionalism of Acemoglu and Robinson*. https://www.deirdremccloskey.com/docs/pdf/McCloskey_AcemogluRobinson2021.pdf (access date: 14.12.2021).
- North D., Wallis J., Weingast B. (2009). *Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. — Cambridge: Cambridge University Press.
- Shastitko A.E. (2020). Mezhdou Scilloi despotizma i Haribdoi sotsialnykh norm (O knige D. Adjemoglu i Dj. Robinsona «Uzkyi koridor: gosudarstvo, obshchestvo i sud'ba svobody») [Between the Scylla of Despotism and the Charybdis of Social Norms (About the book by D. Acemoglu and J. Robinson «The Narrow Corridor: States, Societies and the Fate of Freedom»)] // *Voprosy ekonomiki*. No. 1. Pp. 145–156. (In Russ.).
- Travin D.Ya. (2021). *Pochemy Rossiya onstala? (Why Russia has lagged behind?)*. — SPb.: Izdatelstvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russ.).